

«ВОПРОСЫ “КАК ВЫ НАЧИНАЛИ?” И “КАК И ГДЕ ВЫ ПОЛУЧАЛИ ФИНАНСИРОВАНИЕ ИЛИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНУЮ ПОДДЕРЖКУ?” НАС ТОГДА ПРОСТО НЕ ВОЛНОВАЛИ»: О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ МИССИИ ХАРЬКОВСКОГО ЦЕНТРА ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ирина Жеребкина – доктор философских наук, профессор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, заведующая лабораторией гендерных исследований, создательница Харьковского центра гендерных исследований (ХЦГИ), главная редактор журнала «Гендерные исследования».

– Посмотрела сегодня еще раз на вопросы ЦГИ ЕГУ и вновь увидела, что вопросы эти с каким-то невероятным карьеризмом крепко-накрепко связаны, которым я, по мнению интервьюеров, должна обладать. В результате уже второй раз из-за этих вопросов почувствовала я себя дискриминированной, лишенной собственной субъективности и собственных экзистенциальных выборов, хотя именно ими определялась и до сих пор определяется моя многолетняя верность философии феминизма. Особенно оскорбительно для меня звучат вопросы о 1) финансовой поддержке моих экзистенциальных выборов и 2) об их «успешности». Дело в том, что экзистенциальные выборы никогда не связаны ни с вопросами финансирования, ни с вопросами успешности: это всегда вопросы о выборах в ситуации будущего, а не данного, в ситуациях непредвиденного и неразрешимого.

Однако кто мне поверит, что вопрос интервьюеров «Как и где Вы получали финансирование или институциональную поддержку?» нас, когда шел процесс формирования ХЦГИ, просто не волновал.

¹ Ирина отвечала на вопросы письменно. Текст публикуется в авторской редакции.

С 1992 г. мы с мужем-философом, несколькими аспирантами и студентами разных специальностей университета примерно раз в неделю проводили семинар по жанру философской исповеди. Естественно, так и тема женской исповеди в философии и литературе появилась в наших семинарах.

Объявлений о семинарах мы не давали, а просто ждали наступления вечера, чтобы аудитории максимально освободились.

Формально ХЦГИ мы зарегистрировали лишь в 1994 г. по требованию местного фонда Сороса, обеспечившего нас компьютерами, которые они сами же и купили. Не случайно, конечно. Но нас устраивало то, что финансовыми вопросами мы по-прежнему не занимались.

В то время у нас была идея сделать в нашем университете учебную программу по типу американских *women's studies*, что мы с коллегами-преподавателями и попытались осуществить: подготовили несколько учебных курсов, добились включения их в учебные программы и стали читать их на разных факультетах университета. Я начала преподавать гендерные исследования и философию феминизма на философском факультете, как только он возник в нашем университете, и до сих пор читаю два обязательных курса, заканчивающихся зачетами, – «Введение в гендерные исследования» и «Философия феминизма». Гендерные курсы стали читаться на факультетах психологии, социологии и иностранных языков. Кстати, посещаемость этих курсов у меня такая, что хотелось бы поменьше. Много дипломников и аспирантов.

Когда мы начинали, для занятий нужны были учебники и ридеры – вот мы и подготовили и издали с коллегами в 1995 г. первый постсоветский учебник «Теория и история феминизма» (его потом перевели на армянский и казахский языки). А позже, в 2001 г., подготовили и издали (в издательстве «Алетейя» в Санкт-Петербурге) уже трехтомник «Введение в гендерные исследования» (первая часть – учебник, где авторами были практически все ученые, которые тогда гендерными исследованиями в бывшем СССР серьезно занимались; вторая часть – хрестоматия текстов ведущих феминистских теоретиков (1990 с.), третья часть – программы учебных курсов западных университетов).

Это уже была работа в рамках большого долгосрочного проекта «Университетская сеть по гендерным исследованиям для стран бывшего СССР», который фонд Макаруров поддерживал, пока не стал «иностранным агентом» и деятельность свою в бывшем СССР не прекратил. В проект еще входил «Институт международных летних школ по гендерным исследованиям в Форосе», которых мы 13 штук провели – с 1997 по 2009 г. – и где фактически все нынешние постсоветские гендерные и феминистские исследовательницы учились или преподавали.

И, конечно, журнал «Гендерные исследования», который мы издаем с 1998 г., сыграл важную роль для развития гендерных исследований в бывшем СССР. Представители сегодняшнего поколения феминисток признают, что выросли

вместе с ним. Он, кстати, не только на ученых повлиял, но и на активисток, особенно на Pussy Riot. От них для западных медиа поступали вот такие отзывы: «Мы уважаем деятельность Харьковского центра гендерных исследований и Ирины Жеребкиной в частности; ХЦГИ выпускает журнал “Гендерные исследования”, а также издал целый ряд важных для русскоязычного феминизма книг»².

– Какую роль западные фонды и/или западные университеты сыграли в формировании повестки ГИ в регионе?

– Первые издания ХЦГИ финансировал, как я уже говорила, фонд Сороса. А когда фонд Макартуров о гранте предложение сделал, лично я зависимости испугалась и отказалась. Тогдашней московской директору фонда Т.Д. Ждановой много времени и сил пришлось потратить на то, чтобы по телефону почти ежедневно объяснять мне, что это предложение зависимости не предполагает. В результате мы подругами стали. Образовалось нас четверо подруг, когда мы и хохотали вместе, и наряды, болезни, влюбленности, мужей, любовников, родителей или друзей вместе обсуждали, выставки или театр коллективно, как дети, посещали. Но когда зависимость обнаружилась, я от получения грантов отказалась. Таня Жданова обрывает дружбы (что дружба важнее финансовой или институциональной поддержки) понять так и не смогла. Как и нашей до сих пор длящейся непростой метафизической дружбы с Таней Герасимовой, на которой, собственно, и остальные дружбы держались.

Западные – американские в основном – университеты в 1990-е гг. гендерные исследования финансово поддерживали, выдавали стипендии на учебу или повышение квалификации нашим профессорам и аспирантам. Но настоящее влияние личности, а не институции оказывали. Для меня это были прежде всего Зилла Айзенштейн, Роза Брайдотти, Джоан Скотт, Миглена Николчина, Жарана Папич, Аленка Зупанчич, Тереза де Лауретис и другие классики феминистской теории.

– Что случилось с вашей структурой?

– В качестве университетской программы и исследовательского центра ХЦГИ продолжает работать в Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина. В мае 2017 г. мы провели важную в условиях нынешней «декоммунизации» и усиления консервативных и ультраправых, националистических политик международную конференцию «Несогласие феминизма и марксизма в бывшем СССР: от “несчастливого брака” к счастливому?»³ и издали по этой теме номер

² [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pussy-riot.livejournal.com/2498.html>; <http://ivabellini.blogspot.it/2012/01/le-passere-riottose-pussy-riot.html#.WgFex4hrHIU>

³ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Ux6JDOrc3I>

журнала «Гендерные исследования» (№ 22)⁴ (в этом нас фонд Розы Люксембург поддерживал).

То есть сама структура продолжает жить, как жила, даже если и без финансирования. Волонтерство стараемся не использовать, считаем, что за работу надо платить. Курсы по гендеру и феминизму продолжают читаться, входят в учебный план факультета. Но финансирование НИКОГДА основной причиной для активизма не является. Только мешает...

– Какие инициативы/идеи/темы выжили, а какие не нашли своего продолжения и почему?

– Выжили те проблемы и темы, с которых мы и начинали: женская субъективность, женская креативность, женский язык, искусство и литература, женский радикальный активизм, перформативная квир-теория.

Не нашли продолжения те либеральные тематизации, которыми мы некогда и не занимались: женские права, в том числе право на захват власти по маскулинному типу, торговля женщинами (стажерка моего курса по гендеру позапрошлого года, американка Лора Дин, в своей Ph.D. доказала, что торговля мужчинами в Украине – трудовая миграция на любых условиях эксплуатации, мужская проституция, особенно в тюрьмах, армии и в ОПГ и т.п., выше, чем торговля женщинами).

– Как Вы оцениваете успешность развития гендерных исследований в регионе? Оглядываясь назад, что могло быть сделано по-другому? Например, некоторые центры перестали существовать, другие не имеют большие постоянного финансирования. Можно ли говорить о кризисе гендерного знания в академии в регионе и с чем он связан?

– Коллеги из Беларуси считают, что по части гендера наш украинский регион впереди планеты всей.

Как основатель Центра я не стала той конъюнктурой, которой нас в западных университетах учили, пользоваться. Ни пролезанием во власть, ни получавшей самые большие гранты темой торговли женщинами не стали заниматься даже самые молодые коллеги по Центру: им хочется креативности и самореализации, а не службы новому националистическому государству.

– Каковы отношения гендерных исследований с постсоветской академией? Удалось ли преодолеть подозрение, с которым ГИ и феминистская теория воспринимались в постсоветской академии в начале их развития в регионе?

⁴ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kcs.net.ua/gurnal/22/>

– В нашей стране эти отношения – самые ласковые, без всяких «подозрений»: ведь они в основном идеологию национализма обслуживают, не зная при этом хотя бы, 1) чем постколониализм от деколониального поворота отличается и 2) сути противоречий между Сартром и Фаноном, когда Фанон больше, чем коммунист и интернационалист Сартр, антимилитаристский «отчет о себе отдает» (Батлер) и не сводит борьбу против империализма к праву на месть.

– Как развитие гендерной теории повлияло на изменение академических структур и представления об академическом знании?

– Гендер с тендером больше не путают. На академию феминистская теория могла бы повлиять, если бы форму радикального, а не либерального и/или неолиберального феминизма приняла.

– Как Вы оцениваете продуктивность/эффективность взаимодействия академических и активистских структур в гендерном поле?

– Для меня лично не существует разделения между теорией и практикой феминизма, если активизм не инициирован заказом государственной власти.

– Насколько значимой для Вас была и остается связь между вашими исследованиями и политическими процессами?

– Связь остается такой же прямой, как та, с которой мы начинали. Это левый подход к феминизму и политическим режимам, направленный против ставки на методологический индивидуализм (термин Дж. Батлер) дискурса представительной либеральной демократии (когда немногие привилегированные субъективности представляют многих непривилегированных). Выбор был лишь между постмарксизмом и марксизмом. У меня лично он решился в пользу марксизма, у мужа как директора издательской программы и редактора журнала «Гендерные исследования» – в пользу постмарксизма; у моей оставшейся жить и работать в Германии аспирантки Елены Приходько – также в пользу постмарксизма. Наша талантливая коллега, доктор наук Наталья Загурская, вообще вышла в докторской за рамки феминизма как дискурса антропоцентризма в измерение трансгуманизма. Она находит его у делезианских феминисток типа Брайдотти, Иригарей, Харауэй, хотя сейчас философия как дисциплина в ее феминистском изводе Наталью, как мне кажется, совсем не интересует. Как и одну из самых известных писательниц фэнтези в бывшем СССР, постоянную члена редакции и переводчицу журнала «Гендерные исследования» Яну Боцман (творческий псевдоним Александр Зорич).

– Можно ли говорить о формировании нескольких поколений в ГИ на протяжении этих 20–25 лет?

– Конечно. Я надеюсь, что они организационно всегда имели форму прямой демократии, т.е. взаимодействия через горизонтальное содружество. В этом смысле я очень горжусь своими аспирантками и дипломницами, привыкшими самостоятельно определять свои научные интересы и искать те новые темы, которыми мое поколение в Харькове не занималось – сейчас, например, преобладает интерес к женскому акционизму в любых его видах.

– Как Вы оцениваете свою роль в формировании новых поколений гендерных исследователь_ниц? В какой степени поддерживаются связи между разными поколениями гендерных исследователь_ниц?

– Надеюсь, что лично я не являюсь противником модуса безлидерности для нового поколения ХЦГИ. И продолжаю оставаться критиком национализма, а также традиционных феминистских политик желая «войти во власть»: ведь там, где эти политики увенчивались успехом, им отводится функция легитимации текущей политики власти, в том числе применения государственного насилия.

Надеюсь, что те книги, которые я издала за эти годы в двух основанных мною в тесном сотрудничестве с издательством «Алетейя» книжных сериях «Гендерные исследования» и «Феминистская коллекция», повлияли на новое поколение гендерных исследовательниц в бывшем СССР не меньше, чем на группу Пусси Райот. Влияние при этом – это же не форма консенсуса. Более эффективна форма диссенсуса, позволяющая молодым феминисткам проявлять полемическое мнение, быть, в терминах Рансьера, полемическими субъективностями.

– Как сегодня в Вашей стране выглядит перспектива для гендерных исследований? В каких пространствах (например, искусство, политика, академия) гендерная повестка находит свое применение?

– В странах либеральной представительной демократии, к которой правительство нашей страны объявило Украину уже принадлежащей, ощущается глубочайшая потребность в феминизме как атрибуте либеральной демократии наравне с другими ее атрибутами. Заказ на капитализм после распада СССР требует также интенсивного перформирования сексуальности/ей: ведь перформирование сексуальности/ей в соответствии с дискурсом капитализма является необходимым симптомом социоэкономической «модернизации» общества. Эта любовь, это стремление к западному капитализму привели к тому, что мы сейчас имеем в наших странах, – к неолиберальному капитализму, который *до сих пор* является для советских и постсоветских жителей тем, что в психоанализе обозначается понятием *jouissance*. Однако в рамках дискурса капитализма как рыночной экономики, конкуренции, понимания субъективности как «атомарной», находящейся в конкурентном отношении с другими, говорить о солидарности сложно: ведь если мы выступаем как производители нового типа капиталисти-

ческого товара – феминистского товара в рамках дискурса гендерных исследований, то мы с необходимостью оказываемся в отношениях скрываемой, как и всякая другая, конкуренции.

Для нас сейчас определенным выходом в поисках политической солидарности являются политические проекты с представителями современного искусства. Например, мы провели международную выставку: «Транс-люди. Состояние не-безопасности» (февраль – март 2016 г.)⁵. Там обсуждались особенности 1) понятия действия в современном феминизме и 2) современной постсоветской некрополитики (термин Дж. Батлер).

Действие в современном феминизме мы обсуждали в терминах А. Бадью – не в качестве вопроса о том, как субъект может *инициировать* некоторое действие, но вопроса о том, как субъект *возникает* через автономную цепь экзистенциальных действий или решений в изменяющейся ситуации *события*. В таком случае феминистское действие, в том числе как практики сопротивления, могут происходить с *любим/ой, каждым/ой*, при этом на уровне тех модусов бытия, которые не всегда были доступны женщинам, – на уровне модусов любви, науки, искусства и политики.

Такова же и теория революции Бадью, которую *способны пережить каждый и каждая*. Она, мне кажется, очень близка к тому повороту, который происходит сегодня в современном постсоветском феминизме в отличие от феминизма 1990-х гг., т.е. это уход от либеральной идеологии, где *институт представительства не позволяет состояться бадьюанской онтологии множества*, делая ставку на *представительные, фактически привилегированные субъективности*.

Что касается современной некрополитики, которая определяется тем, что субъекту в эпоху капитализма оставлено единственное право – право быть безнаказанно убитым, то совместно с художниками-активистами мы критиковали на выставке действия современных государств как *секьюритарных режимов*, которые управляют населением посредством идеологии обещания «защиты от угрозы». Благодаря лозунгу защиты населения своей страны от любого типа «угроз» современные государства *получают право* на легитимацию любых форм насилия⁶. Ловушка обещания государством «защиты от угрозы» со стороны современных властных технологий секьюритарных режимов и состоит в том, что именно государство мобилизует и рекрутирует потенциально уязвимое население таким образом, что оно не может не поддерживать политики государственного насилия, использующие приманку избавления населения от «бытия под угрозой» и обещая ему защиту индивидуальных прав и свобод.

⁵ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yermilovcentre.org/2016/02/12/trans-lyudi-i-sostoyanie-ne-bezopasnosti/>.

⁶ Butler, Judith. «Foreword» in Isabel Lorey. *State of Insecurity: Government of the Precarious*. Translated by Aileen Derieg. With a Foreword by Judith Butler. London; New York: Verso, 2015.

Ловушка состоит и в том, что под предлогом защиты индивидуальных прав и свобод современные неолиберальные секьюритарные режимы могут мобилизовывать, как отмечает Батлер, даже прогрессивные концепции *феминистских прав и сексуальных свобод* для самых ужасных целей – например, 1) для того, чтобы *рационализировать войны* (преимущественно против мусульманского населения), а также 2) в расистских целях обоснования ограничения иммиграции в Европу из «неразвитых» стран⁷.

В качестве примеров такой секьюритарной мобилизации Батлер называет мобилизацию феминизма и идеи освобождения женщин *для военных целей* в США в ходе военной акции в Афганистане. И действительно, одним из оправданий ввода войск США в Афганистан был тезис о том, что войска вводятся с целью защиты от патриархата афганских женщин – так, как будто не существует невоенных способов помощи женщинам.

В результате возникает новый тип капиталистической эксплуатации – жизнью, которые являются «не совсем жизнями» и поэтому отбрасываются как «нехрупкие» и «негорестные». В запутанной логике, которая рационализирует их смерти, утрата такого населения подчинена одной-единственной необходимости – сохранить и защитить «хрупкие» жизни «прогрессивных субъективностей».

Отсюда вопрос: что делать в гендерных исследованиях в бывшем СССР в новых онтологиях войн и ловушек секьюритарных режимов? На выставке «Транс-люди. Состояние не-безопасности» на этот вопрос мы отвечали так: гендерные исследования в бывшем СССР должны вместо исследований порядка данного и следования логике эмпиризма отваживаться не следовать за порядками данного, но менять их в терминах невозможного. Реальность в таком случае имеет шанс быть реальностью того, что должно быть, а не того, что есть. В частности, даже признавая современные онтологии как онтологии войны, мы получаем шанс говорить не о войне, но о мире (как о том, чего нет, но что должно быть).

Иначе говоря, сколь бы параллаксной ни была практика современной власти, оперирующей на уровне онтологии войн, критическая феминистская мысль должна работать на таком уровне невозможного, который недоступен даже параллаксным ловушкам современного государственного капиталистического насилия.

3 ноября 2017 г., Харьков

⁷ «On anarchism: An interview with Judith Butler». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://independent.academia.edu/JamieHeckert/Books>